

это вполне напоминает те шуточные портреты-карикатуры, которыми украшены стены парижских академий. Но трактованные серьезно и последовательно эти карикатуры становятся художественно интересными. Упомянутые портреты Машкова и Кончаловского были любопытны четкостью и законченностью своих карикатурных преувеличений. Но это, конечно, не последнее слово на этом пути. «Портрет И. С. Щукина» работы Сарьяна указывает на дальнейшие ступени его, когда характер карикатуристичности отпадет сам собою. По этому новому пути, думается мне, возможен очень художественный и близкий подход к человеческому лицу.

ОСЛИНЫЙ ХВОСТ

«. . . Криксы-Вараксы скакали из-за круглых гор, лезли к попу в огород, оттяпали хвост попову кобелю, затесались в малинник, там подпалили собачий хвост, играли с хвостом. . .»¹

Так все в точности и случилось, как подробно описано в наваждениях Купальской ночи у А. М. Ремизова. «Криксы-Вараксы» — это были Ларионов и Гончарова, «поповым кобелем» — «Бубновый валет»,² только собачий хвост для важности был на этот раз назван «ослиным». «Малинником» оказалось новое выставочное помещение в Школе живописи и ваяния,³ там же его и «подпалили» в день открытия выставки,⁴ и настолько удачно, что понадобилось вмешательство пожарной команды.

В силу каких эстетических несогласий произошел раскол между Бубновым валетом и Ослиным хвостом,⁵ решить трудно: и та и другая выставка стоят в сущности на той же «художественной платформе», различствуя только индивидуальностями. По всем данным «Криксы-Вараксы» оттяпали хвост попову кобелю с тою же самою целью, с которой Алкивиад отрубил хвост своей собаке, т. е., чтобы все говорили о «хвосте».

О «хвосте» действительно все говорили, и в день открытия выставка была переполнена. Но публика была разочарована. Она ждала еще более яркого и ошеломляющего и нашла, что Ослиные хвосты не на высоте своего имени.

Бурлюки умеют ошеломить больше. Как утверждают, Давид Бурлюк, когда он впервые услыхал о кубистах, махнул рукой и сказал: «Все равно левее нас с братом никто не напишет». И несмотря на гордые слова: «Вы мои эпигоны», которые кинул Ларионов Валетам на диспуте «Бубнового валета», все же Бурлюк во мнении публики оказался левее Ларионова. Москвичи нашли, что «Ослиный хвост» находится не на высоте своего имени и упрекали художников в самовосхвалении.

Только цензура отнеслась к выставке вполне серьезно⁶ и приняла имя «Ослиный хвост» во всей значительности иного символа, так как распорядилась снять целый ряд картин Гончаровой, представляющих лубочные изображения святых, находя, что изображениям святых неуместно

быть выставленными под знаком «О. Х.», и этим утвердила, что выставка такова, что «святых вон неси»...

Но цензура польстила устроителям О. Х., так как на самом деле в смысле живописи выставка не представляет ничего возмутительного и ошеломляющего. Дерзания Ослиных хвостов главным образом литературные, и скорее их можно оценить при чтении каталога, чем при взгляде на картины.

В каталоге вы найдете: «Художественные возможности по поводу павлина» (Павлин — китайский стиль, павлин — стиль футуристов, павлин — египетский стиль, павлин — стиль кубистов, павлин — византийский, павлин — лубочный и т. д.), «Курильщик (стиль подносной живописи)», «Купающиеся мальчики (непосредственное восприятие)», «Портрет Ларионова и его взводного», «Фотографический этюд весеннего талого снега», «Барыня и служанка (из несостоявшегося путешествия в Турцию)», «Женщина в синем корсете (газетное объявление)», «Мозольный оператор в бане», «Семейный портрет парикмахера Георгия Чулкова»...

Но все эти заманчивые заглавия обещают гораздо больше, чем дают картины.

В действительности же видишь живопись широкую, этюдную, часто талантливую, тенденциозно неряшливую, всегда случайную и должностную скрывать в себе насмешку над зрителем. Кроме того у всех участников О. Х. наблюдается особое пристрастие к изображениям солдатской жизни, лагерей, парикмахеров, проституток и мозольных операторов.

Краски свои они явно стараются заимствовать от предметов, ими изображаемых: парикмахеров они пишут розовой губной помадой, фиксатуарами, бриллиантинами и жидкостями для ращения волос, солдат — дегтем, грязью, юфтью и т. д. Этим им удается передать аромат изображаемых вещей и возбудить тошноту и отвращение в зрителе. Человеку, знакомому с жизнью и бытом художников, не трудно угадать происхождение такой выставки, как «Ослиный хвост». Это выставка «рапенов». *Rapin* — это художник-ученик, уже прошедший положительную науку о живописи и находящийся в периоде отрицательного изучения ее, сказывающемся в критике и насмешках над теми учителями, у которых он все же продолжает учиться, в грубоватых, но веселых пародиях, карикатурах, в красочном цинизме, в вызывающем ультрареализме. Рапен уже обладает всеми знаниями, которые ему может дать мастерская, и уже презирает эти знания. Но он еще не художник, потому что еще не вышел из мастерской и не прошел через шуточное, шутовское отношение к жизни. Рапенство это известный психологически необходимый момент в жизни почти каждого талантливого художника.

Те самые картины, которые мы видим выставленными на Ослином хвосте, мы можем увидеть в любой из больших парижских академий намалеванными непосредственно на стенах: там мы увидим тех же солдат, парикмахеров, мозольных операторов и профессоров, написанных с теми же самыми художественными приемами, с тою же выразительностью.

Самое имя «ослиного хвоста»,⁷ поднятое московскими художниками как боевое знамя, взято в память нашумевшей в свое время проделки монмартрских рапенов, выставивших на выставке Независимых картину, написанную движениями ослиного хвоста, омоченного в жидкую краску.

Правда, в Париже рапены своих выставок не устраивают и соответственные произведения бывают доступны только посетителям академий. Но в России этот класс, или вернее этот возраст художников, только что сознает себя, и нет ничего дурного в том, что они хотят посредством выставки утвердить свои права на существование. Если взглянуть на появление выставок, подобных «Ослиному хвосту», с этой точки зрения, то все становится на свое место и они получают свой исторический смысл; сейчас в России нет такой авторитетной школы, в которой художники, еще неосознавшие серьезно своего отношения к миру, как Ларионов или Гончарова, могли бы закончить, учitelеборствуя, годы своего подмастерства. Они работают на воле и устраивают выставки из «Farces d'atelier».* Принимая в соображение такое значение «Ослиного хвоста», мы найдем на выставке много интересного и талантливого. Даже самая невероятная плодовитость Гончаровой, которая выставила свыше *пятидесяти* (!) довольно больших полотен, написанных ею, по-видимому, уже после выставки «Мира искусства», и та при таком взгляде на дело становится понятной. «Хвосты» не ищут и не задаются определенными замыслами — они пробуют. И все пробы выставляют. Среди этих проб есть очень удачные по выразительности, как «Ледоколы» и «Гроза» Гончаровой, «Маркитантка Соня» и «Купающиеся солдаты» Ларионова и почти все рисунки Барта.

САПУНОВ

Когда смерть внезапно обрывает жизнь талантливого человека в самом ее расцвете, не дав выявиться силам и возможностям, в нем затаенным, ум невольно начинает искать смысла, обобщения, причины. Нельзя подавить в себе убеждения, что смерть не может быть случайна; что удары ее, как бы ни были прихотливы, вызываются неким, скрытым от нашего сознания, законом; что смерть наступает только тогда, когда дух дает внутреннее, тайное согласие на прекращение своих земных действенных проявлений... Поэтому каждая неожиданная смерть вызывает потребность произвести Суд над умершим, следствие о его жизни, найти оправдание Смерти. Но Смерть не нуждается в оправданиях, а причины ее таятся в тех извивах человеческой души, в тех складках тайных помыслов, желаний и намерений, которые недоступны посмертному исследованию. Лишь очень редко приходится иметь дело с такими проницательными исследованиями смысла судьбы, как, например, статья Владимира Соловьева о смерти Пушкина.¹ Но здесь мы имеем дело с судом над жизнью человека, который был средоточием всего национального самосознания России и жизнь которого исследована и выявлена с большой полнотой. Но что мы

* «шуток мастерской» (франц.).